

УДК 821

Е.А. МОРДВИНКИНА

(elena.mordvinkina@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ПЕРСОНАЖИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ИМЕН В РАССКАЗЕ «ФОКУС-ГРУППА» ИЗ РОМАНА В. ПЕЛЕВИНА «ДПП (NN)»*

Анализируются особенности имен персонажей в рассказе «Фокус-группа» из романа современного прозаика В. Пелевина «ДПП (NN)». Особое внимание уделяется ассоциациям с библейскими текстами.

Ключевые слова: Библия, автор, имя персонажа, реклама, симулякр, грех.

Современный русский писатель Виктор Олегович Пелевин хорошо знаком любителям постмодернистских текстов. К характерным чертам его прозы относят наличие нескольких реальностей, в которых живут герои, объединенные «поисками выхода за пределы всеобщей иллюзии» [18, с. 213–214]. Это подтверждает роман В.О. Пелевина «ДПП (NN)» («Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда»), опубликованный в 2003 году. Как отметила Е.Ю. Попова, в этом произведении Пелевин «апеллирует к целому комплексу широко известных образов мировой культуры, обогащая содержательную структуру» [15, с. 355], что позволяет назвать произведение ярким явлением постмодернизма. А.С. Вагина говорит о романе следующее: «Писатель обращается к разнообразным русским и зарубежным культурным претекстам, начиная от античной мифологии и русской классики XIX века и заканчивая “Звездными войнами”, а также покемонами (японскими мультипликационными карманными монстрами). Интертекстуальный пласт русской классики достаточно отчетливо явлен» [5]. Добавим, что необычной является и сама структура романа: произведение содержит в себе и элегию, и роман, и повесть, и пять рассказов. Все разнообразие этих жанров объединяет не только общее название и общая тема, но и ассоциативная связь с Библией.

Наиболее интересным в этом плане является рассказ «Фокус-группа», т. к. в нем Пелевин претворяет в образах своих персонажей семь смертных грехов. Название «Фокус-группа» заимствовано из социологии, где применяется метод «фокус-группа», который представляет собой способ сбора и анализа информации, позволяет оценить эффективность рекламной продукции. В этом видится связь романа В. Пелевина с «актуальной злободневностью»: «В 90-е годы XX века в силу существенных экономических, политических, социокультурных преобразований жизнедеятельности общества в российской социологической мысли все большее место стали занимать исследования, направленные на поиск эффективных методов познания и прогнозирования динамики социальной реальности и «жизненного мира» человека, его потребностей и предпочтений» [4, с. 3]. В. Пелевин, в своих произведениях затрагивающий различные проблемы жизни современного общества, название «Фокус-группа» берет не случайно: он указывает на всепроникающую экспансию рекламы, подменяющей собой реальное положение дел в окружающем нас мире. Писатель, склонный к постмодернистским экспериментам, нередко использует рекламную стилистику, о чем И.В. Силантьев пишет: «вторгаясь в дискурсивное пространство современного общества, реклама своим существованием провоцирует процессы столкновения и смешения дискурсов в иных, не связанных непосредственно с рекламой коммуникативных сферах культуры сильнейшего вектора агональности как таковой» [16, с. 246].

В романе Пелевина разнородные дискурсы связывает в одно целое сюжет, который строится на беседе семерых душ умерших с неким фантастическим Светящимся Существом. Стоит отметить, что Пелевин намеренно заостряет внимание читателя на числе семь, которое фигурирует и в романе «Чис-

* Работа выполнена под руководством Переваловой С.В., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

ла», возможно, потому, что столько существует смертных грехов и автор их персонифицирует в образах своих персонажей, как всегда, маркируя последних определенными знаками. У Пелевина это обычно «паттерны, заимствованные из стереотипов мышления <...> – знаки-личности: герои классической литературы, мифологии и религиозные деятели; герои сериалов, фильмов, мультфильмов; – знаки-детали: предметы одежды, аксессуары, автомобили и их торговые марки; <...> – знаки-векторы: разнообразные символы замкнутого пространства и линейного движения; – знаки-числа, знаки-цвета, знаки-формы. Характер этих знаков не в последнюю очередь определяется историческим этапом. <...> Таким образом, в его поле зрения практически постоянно находится эпоха перемен» [17, с. 143]. А в рассказе В.О. Пелевина «Фокус-группа» актуализируются «знаки», связанные с мотивами и образами Библии, актуальной в любую эпоху: в центре рассказа некое Светящееся Существо открывает усопшим дорогу в желанный рай. Отец Серафим в книге «Душа после смерти» (2010) пишет о встречах со «светящимся существом», которые обычно происходят перед смертью человека, следующее: «Большинство людей описывает это переживание как появление света, который быстро увеличивается в яркости; и все опознают его как некую личность, наполненную теплотой и любовью, к которой умерший влечется чем-то вроде магнитного притяжения. <...> Некоторые называют его «Христом», другие «Ангелом»; все, по-видимому, понимают, что это существо, посланное откуда-то, чтобы сопутствовать им» [13, с. 44–45]. По-видимому, Пелевин опирается на эти воззрения, намеренно «обытовляя» их и делая это с присущей постмодернистам иронией: *С первого взгляда казалось, что Светящееся Существо парит в пространстве безо всякой опоры, как облако, сквозь которое просвечивает солнце. <...> Существо восседало ... в кресле, похожем на что-то среднее между гигантской лилией и лампой арт-деко <...> Каждый видел нечто вроде округлой спины, плеч и накинутого на голову капюшона, и, глядя на эту спину, делал вывод, что сидящие с другой стороны созерцают лицо <...> Зато все слышали голос – приятный, добродушно-веселый и странно-знакомый, словно бы из какой-то телепередачи* [14, с. 318]. В «Фокус-группе» Светящееся Существо ведет беседу с умершими, давая им прозвища, которые отсылают читателя к литературным произведениям, в то же время напоминая о вечном – о смертных грехах, живучесть которых подтверждает не только литература, но и реальность.

Алчность (сребролюбие) – неумеренная склонность к материальным благам: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» [1Т. VI: 8–10]. Она воплощена у Пелевина в образе Барби, которая говорит о себе: *Я люблю кататься на яхте. И нырять с аквалангом* [14, с. 319]. Образ Барби приобретает иронический оттенок, поскольку вышучивается не только ее «поучительное» прошлое, но «модель» самого образа: Барби – кукла, представляющая уменьшенную модель взрослой девушки с безупречными пропорциями тела; популярная игрушка, появившаяся в России в 90-х гг. А в рассказе «Фокус-группа» – *блондинка, действительно похожая на куклу Барби после второго развода <...> На ней была туго заполненная грудями футболка с надписью «I wish these were brains»* [Там же, с. 320].

Зависть – грех против десятой заповеди Божьей («Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, [ни всякого скота его,] ни всего, что есть у ближнего твоего» [Бт. V: 17]), «состоит в том, что люди желают чего бы то ни было, что есть у ближнего» [2, с. 231]. У Пелевина зависть проявляется в образе Дездемоны: *Что они, рай на земле построят? – Сказала Дездемона. – Завидно* [14, с. 333]. Постмодернистски снижая образ Дездемоны – героини трагедии У. Шекспира «Отелло» (*Красавица и ангел доброты* [22, с. 261]), В.О. Пелевин представляет ее негритянкой *с серьгами-обручами в ушах: Она говорила с сильным украинским акцентом, но это не казалось несурзным – все уже знали, что она дитя портовой любви из Одессы. Наоборот, сочетание черной кожи с малоросским выговором придавало ей какую-то малосольную свежесть* [14, с. 319]. Пелевин явно высмеивает возвышенный образ Дездемоны Шекспира, давая ей именно такой портрет (возможно, здесь намек на темнокожего Отелло),

а также, говоря о ее происхождении (*дитя портовой любви из Одессы*), вновь отсылает читателей к Шекспиру, в трагедии которого конфликт зарождается на Кипре, куда отправляются Отелло со своей женой: *Богатство корабля на берегу! // Опустимся пред нею на колени. // Будь доброй гостью Кипра, госпожа! // Благослови господь тебя! С приездом!* [22, с. 290].

Особого внимания заслуживает портретная деталь – серьги Дездемоны, превращающиеся в змей: *С серьгами Дездемоны происходило странное. <...> Действительно, серьги превратились в свернувшихся кольцами зеленых змеек – когда именно, никто не заметил. Они походили на заготовку, над которой только начал работать невидимый резчик, но в некоторых местах чешуя уже ярко и мокро блестела* [14, с. 323–324]. Е.С. Добин в своей работе «Сюжет и действительность. Искусство детали» отмечает значение художественной детали для законченности не только образа, но и всего произведения: «Имеет иногда мало заметное, подчас совсем незаметное, а по временам очень сильное стремление сомкнуться с основным замыслом вещи: характерами, конфликтами, судьбами, – и этим придать произведению желанную рельефность, законченность, предельную выразительность» [6, с. 303]. Несомненно, В. Пелевин использует данную деталь (серьги Дездемоны) не только для раскрытия образа героини, но и для того, чтобы направить читателя к различным текстам-предшественникам. Еще в «Элегии 2», открывающей роман «ДПП (NN)», упоминается древнеегипетский бог Гор, который «изображался в виде сокола, человека с головой сокола, крылатого солнца» [6, с. 310]: *За горем Гор – переименованная цитата из стихотворения В. Маяковского «Левый марш» (1918): Там // за горами горя// солнечный край непочатый. // За голод // за мора море // шаг миллионный печатай!* [9, с. 24]. Нельзя не отметить и тот факт, что в «Левом марше» (1918) В. Маяковского есть отсылка к библейской истории об Адаме и Еве (*Довольно жить законом, // данным Адамом и Евой*) [Там же, с. 24], в которой также присутствует образ змея (его, соблазнившего Еву, проклял Бог: змей был обречен ползать по земле и терпеть вражду всех будущих поколений людей [Бт. III: 14]). Таким образом, приемы интертекстуальной игры с читателем позволяют Пелевину «стянуть» в единый текст произведения, хронологически и идейно далекие, ведь и в упомянутой трагедии У. Шекспира «Отелло» героиня Эмилия в своем монологе в защиту Дездемоны произносит следующие слова: *Ручаюсь вам душой – она чиста. // И если бы вы думали иначе, // Отбросьте эту мысль; она постыдна, // А если вам налгал подлец какой-то, // Да будет проклят он проклятьем змея!* [22, с. 459].

Гордыня – гордость, эгоизм, себялюбие: «Кто учит иному и не следует здравым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен *страстью* к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения. Пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких. Великое приобретение – быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него» [1Т. VI: 3-7]. Гордыня предстает в образе Отличника: *Зардевшись, Отличник встал и поклонился <...> Отличник широко ухмыльнулся. Ему нравилось персональное внимание Светящегося Существа* [14, с. 330]. Помня о том, что учащийся на «отлично» в СССР – идеал ребенка, у Пелевина это совсем не идеальный персонаж, а любитель видеоигр, *молодой человек в круглых очках, которые обрастают какими-то острыми коготками. Пока они были короткими, но вид у них был жуткий. Отличник попытался снять очки, но не смог – оправа будто приросла к ушам* [Там же, с. 330]. Возможно, таким образом автор проводит параллель между Светящимся Существом и мифологическим сфинксом (это «чудовище, порожденное Тифоном и Эхидной, с лицом и грудью женщины, телом льва и крыльями птицы <...> задавала каждому проходившему загадку <...> Не сумевшего дать разгадку С. убивала и таким образом погубила многих знатных фиванцев» [12, с. 479]). Отличник из-за своей гордыни уходит от истины, принимая похвалы Светящегося Существа. Когти героя, которые мешают ему снять очки (*Очки изогнулись и впились ему в глаза. Он взвыл и попытался сбить их с лица, но это не получилось* [14, с. 349]), могут отсылать к древнеегипетскому богу Гору, уже упомянутом Пелевиным ранее, и который «почитался как хищный бог охоты, когтями впивающийся в добычу» [11, с. 310]. У Пелевина Отлич-

ник, привыкший к похвалам, малообразованный (скорее, по-современному «нахватанный»), накрепко прирос не к книгам, а к компьютерным головоломкам.

Гнев – «сильное, возбужденное состояние духа против ближнего, которое греховно или безгрешно, смотря по побуждению и по своей цели и степени» [2, с. 146] – находит свое отражение в Даме с собачкой, в образе которой есть явная отсылка к одноименному рассказу А.П. Чехова. Но если в произведении классика этот образ полон обаяния (...*сколько еще несмелости, угловатости было в ее смехе, в разговоре с незнакомым <...> Вспомнил он ее тонкую, слабую шею, красивые, серые глаза. «Что-то в ней есть жалкое, все-таки», – подумал он и стал засыпать* [20, с. 130]), то в рассказе Пелевина это – женщина *средних лет с короткой стрижкой, на коленях у которой лежала японская сумочка в виде пекинеса с молнией на спине*. Выглядел этот пекинес так правдоподобно, что мог, наверно, сойти за живого не только в загробном мире. Далее, если Чехов «изображает и исследует своеобразный архетип любой человеческой жизни; любого человека (философа, сумасшедшего, «падшую женщину», мужика, чиновника, вора) он берет в аспекте его обыкновенности, похожести на других» [19, с. 155], то Пелевин создает симулякры – имитации несуществующего. Жан Бодрийяр считает: «В постмодернистской ситуации, где реальность превращается в модель, оппозиция между действительностью и знаками стирается и все превращается в симулякр. В пространстве тотальной симуляции не существует больше границ между реальным и воображаемым. <...> Речь идет о замене реального знаками реального, т. е. об операции устрашения всего реального процесса его операционным дубликатом» [3, с. 6].

Своего рода «дубликатом» традиционных представлений о том, «что такое хорошо и что такое плохо», в «Фокус-группе» Пелевина становится и образ Телепузика, воплощающем похоть – «развращение сердца, влекущее ко злу и греху» [2, с. 522]. В Библии сказано об этом грехе следующее: «В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть» [Иак. I: 13–15]. Потому в образе Телепузика есть оттенок горькой иронии: Телепузик, шагнувший в произведение из одноименной детской передачи, которая была популярна в России в конце 90-х гг. – нач. 2000-х, цинично заявляет: *Я люблю свободный секс* [14, с. 321]. Несообразна и внешность персонажа: если телепузик с экрана похож на человека, но он плюшевый, на голове у него антенна, а на животе телевизор, то у Пелевина: *Телепузик был не просто толстый, а отталкивающе толстый – он походил на огромный презерватив с водой, в нескольких местах перетянутый ушедшими в складки веревками. Наверно, по причине этого сходства, которое до неприличия усиливала мокрая от пота рубашка, слова о свободном сексе показались вполне уместными* [Там же, с. 321]. По-видимому, Пелевин разделяет мнение исследователей, утверждающих в статье «Диктатура безумия», что передача «Телепузики» формирует в детях «склонность к асоциальному поведению, девиантности и депрессии; <...> прибавим к этому крепко усвоенные в младенчестве неправильные связи элементарного вербально-визуального ряда (ребенок будет путать зеленый и красный, яблоко и виноград и пр.), и мы получим портрет будущего неудачника и преступника – потребителя наркотиков» [10]. Телепузик у Пелевина – «бич современности», когда телевизоры и экраны компьютеров стали заменять собой человеческое общение и книги. Доказательством тому может служить тот факт, что создатели шоу Энн Вуд и Энди Дэвенпорт «вставили» в своих существ телевизор, но не только в их тело, но в их жизнь.

Чревоугодие – неумеренная жадность в еде, грех против второй заповеди («Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» [Бт. V: 4–6]), «есть один из видов идолопоклонства» [2, с. 737]. В рассказе этот грех олицетворяет Монтигомо: *Я сладкоежка, – сказал сидевший слева от Барби мужчина с орлиным носом и татуировкой «Монтигомо» на руке. – Чревоугодник, можно*

сказать. Люблю шоколадки, пончики с сахарной пудрой, пирожные [14, с. 320]. Отметим, что Монтигомо Пелевина имеет еще один вид идолопоклонства (помимо чревоугодия), т. к. его татуировка, отсылающая к рассказу А.П. Чехова «Мальчики», – это имя индейца, героя, которым восхищались дети в СССР: *Чечевицын грустно улыбнулся и добавил:– А также индейцы нападают на поезда. Но хуже всего это москиты и термиты. – А что это такое? – Это вроде муравчиков, только с крыльями. Очень сильно кусаются. Знаете, кто я?– Господин Чечевицын.– Нет. Я Монтигомо, Ястребиный Коготь, вождь непобедимых* [21, с. 427]. В журнале «Огонек» А. Аничкин пишет об этом: «Имя индейского вождя будто взято из американского приключенческого романа о Диком Западе. Ко времени написания чеховского рассказа в 1887 году книги Фенимора Купера и Майна Рида уже прочно вошли в число любимых у молодых российских читателей. Да и родители поощряли: за приключенческими сюжетами легко разглядеть гуманистические идеалы, восходящие к Руссо с его восхищением «благородными дикарями» и близостью к природе. Рассказ быстро стал одним из самых популярных, а Монтигомо, как и многие другие чеховские персонажи, приобрел нарицательное значение. Так стали иронически называть уже и взрослых с их мальчишеской страстностью, с пренебрежением к простым жизненным выгодам и не особо практичных. Одним из самых известных в истории людей с прозвищем Монтигомо был поэт Николай Гумилев» [1, с. 48]. Упоминается Монтигомо и в романе В.А. Каверина «Два капитана»: *Монтигомо Ястребиный Коготь, я его когда-то так называла* [7, с. 210]. А. Аничкин утверждает, что популярность имени Монтигомо связана с экранизацией романа В.А. Каверина: «В 1955 году вышла экранизация книги. Именно с этим популярным фильмом постепенно стал связываться Монтигомо – из кино неясно, откуда взялся этот образ. Ясно, что индеец, ясно, что это что-то благородное и приключенческое. Конечно, читающая публика не забывала чеховских «Мальчиков». Но в массовом сознании Ястребиный Коготь постепенно отрывался от литературного первоисточника» [1, с. 49]. У Пелевина Монтигомо *действительно походил на индейца острыми чертами лица и темно-красным загаром, который бывает у жителей тропиков и алкоголиков с больными почками* [14, с. 320]. Называя своего персонажа этим именем, В.О. Пелевин создает некую аллюзию на детские игры в неведомых индейцев, заразные для подрастающего поколения в советские годы. Но писатель намеренно снижает образ благородного индейца, высмеивая стереотипы читательского восприятия: его Монтигомо – не рыцарь, не романтик, а всего лишь сладкоежка и алкоголик.

Уныние – состояние апатии и подавленности: «Тоска на сердце человека подавляет его» [Пр. XII: 25] – проявляется в образе Родины-матери. Традиционно этот «агитационный образ» оказался настолько проникновенным и впечатляющим, что стал подлинным шедевром. По уровню воздействия на чувства людей с ним могла сравниться лишь песня «Священная война». И тем, кто этому воздействию подвергался, уже не нужно было на политзанятиях объяснять, как и для чего защищают Родину» [8]. В «Фокус-группе» В. Пелевина это *седая старушка в красном платье, и правда похожая на Родину-мать после демобилизации с военного плаката* [14, с. 321]. По-видимому, автор в своем персонаже персонифицирует печаль нашей Родины-матери, высокие понятия которой – о долге, чести, справедливости – нередко отторгаются поколением сегодняшних неблагодарных «детей»: «Женщина в ниспадающем с головы платке теперь звала на распродажи с беспрецедентными скидками и на церемонии открытия новых торговых центров. Только, в этом редакция «Нового пенсионера» единодушна – нам неловко за «продвинутых современников». Что угодно можно обесценить, опозилить при желании», – пишет С. Коренева [8]. Таким образом, писатель высмеивает общество массового потребления и свойственную ему рекламу товаров и услуг, обещающую комфортную, сытую и бездуховную жизнь.

Итак, в рассказ «Фокус-группа» В.О. Пелевин вводит образы героев, не имеющих имен, но имеющих прозвища, которые отсылают читателя к хорошо знакомым персонажам, явлениям. Здесь писатель «рекламно» совмещает, казалось бы, несовместимые вещи: героев «высокой» литературы (Дездемона, Анна Сергеевна – дама с собачкой, Монтигомо) и важное для всей страны событие – Великую Отечественную войну (Родина-мать) с явлениями массовой культуры 1990-х годов (Барби, Телепузик) и т. д.

В «Фокус-группе» он по-писательски «зондирует» культурный слой современной жизни, делая неутешительный вывод об утрате былого веса жизненно важных ценностей в современном социуме, мало образованном и утратившем интерес к произведениям классической литературы и ее духовно-нравственной проблематике.

Литература

1. Пелевин В.О. ДПП (НН) // Полное собрание сочинений в 16 т. Т. 7. М.: Эксмо. 2015.
2. Каверин В.А. Два капитана // Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М.: Художественная литература. 1981.
3. Маяковский В.В. Левый марш // Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 2. М.: Художественная литература. 1956. С. 23–24.
4. Чехов А.П. Дама с собачкой // Полное собрание сочинений и писем в 30 т. – Т. 10. М.: Наука. 1983. С. 128–143.
5. Чехов А.П. Мальчики // Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 6. М.: Наука. 1983. С. 424–429.
6. Шекспир В. Отелло // Полное собрание сочинений в 14 т. Т. 8. М.: ТЕРРА. 1994. С. 239–468.
7. Аничкин А. След когтя // Огонек. 2012. №5. С. 48–50.
8. Библийская энциклопедия. 3-е изд. М.: ЛОКИД-ПРЕСС; РИПОЛ классик. 2005.
9. Бодрийяр Жан Симулякры и симуляция // перевод О.А. Печенкина. Тула: 2013.
10. Брянцева Е.А. Метод «фокус-группа» как инструмент анализа поведения потребителей: автореф. дис. канд. социол. наук. Москва. 2000.
11. Вагина А.С. Гоголевские реминисценции в книге В. Пелевина «Диалектика Переходного Периода: из Ниоткуда в Никуда». [Электронный ресурс]. URL: <http://pelevin.nov.ru/stati/o-gogol/1.html> (дата обращения: 18.01.2018).
12. Добин Е.С. Сюжет и действительность. Искусство детали. Л. О.: Советский писатель. 1981.
13. Коренева С. История плаката. Родина-мать зовет. // Новый пенсионер, 23 июня 2012 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pensioner.ru/news/moya-istoriya/istoriya-plakata-rodina-mat-zovyet/> (дата обращения: 18.01.2018).
14. Медведева И., Шишова Т. Диктатура безумия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravoslavie.ru/62.html> (дата обращения: 18.01.2018).
15. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 1. М.: Советская энциклопедия. 1987.
16. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Советская энциклопедия. 1988.
17. Отец Серафимъ (Роуз) Душа после смерти. М.: Русский Паломникъ». 2010.
18. Попова Е.Ю. Особенности функционирования прецедентных феноменов превалирующих сфер-источников в романах В. Пелевина «Generation “П”» и «Числа» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. №1. С. 352–357.
19. Силантьев И.В. Риторика дискурсных смещений в романе В. Пелевина «Generation „П“» // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 239–257.
20. Смирнова О.О. Знаки идентичности героев Пелевина (на примере романов «Омон Ра», «Generation „П“», «Числа») // Вестник РУДН. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. №2. С. 142–149.
21. Современная русская литература: Хрестоматия для старшеклассников и абитуриентов. Екатеринбург: У-Фактория. 2006.
22. Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: Изд. Ленинградского ун-та. 1987.

MORDVINKINA E.A.

Volgograd State Social-Pedagogical University

CHARACTERS AND FEATURES OF THEIR NAMES IN THE STORY «THE FOCUS GROUP» FROM THE NOVEL BY V. PELEVIN «DPP (NN)»

The features of the characters names in the story «The Focus Group» from the novel by contemporary writer V. Pelevin «DPP (NN)», evokes associations with the biblical texts.

Key words: Bible, author, character`s name, advertising, simulacre, sin.